

Дочери Евы

Романы
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Читайте истории любви в книгах ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Солнечная девушка
Ханская дочь
Его тайная страсть
Та, кто приходит незваной
Огненный Марс
Русалочье счастье
Люблю, убью, умру
С надеждой на взаимность
Девушка-стихия
Интриганка
Не такая, как все
Чужая свадьба
Гнездо ласточки
Любить – губить
Никогда не говори «навсегда»
Я тебя найду
Магнолии, девушка, солнце
Не пара
Отблеск безумной звезды
Злюка
Чужая свадьба
Девушка – рябина
Хозяйка чужого дома
О голубка моя
Роман с куклой
Слишком красивая, слишком своя
Опасный поклонник
На темных аллеях
Вишни для Марии
Песчаный рай
Роза прощальных ветров

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

РОЗА
ПРОЩАЛЬНЫХ
ВЕТРОВ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Оформление серии *С. Власова*

Тренина, Татьяна Михайловна.
Т73 Роза прощальных ветров : [роман] / Татьяна Тренина. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Дочери Евы. Романы Т. Трениной).

ISBN 978-5-699-88608-1

Двадцать лет эта женщина с немодным именем Роза была счастлива, находясь в браке с Николаем. Что ж, с нее хватит — решила Марина. Теперь пора взять его в свои руки и изменить статус тайной любовницы на роль законной жены. Ведь она молода, красива — чего никак нельзя сказать о сорокалетней Розе, этой полной ко-соглазой простушке. Наметив план операции, Марина появилась в доме соперницы и раскрыла ей свои карты. Однако... Роза-мимоза отреагировала как-то странно. Да и выглядеть стала лучше. Неужели она что-то почувствовала, а потому, чтобы понравиться мужу, резко сменила имидж и решила бороться за свои права на него до конца?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88608-1

© Тренина Т., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

— С вас тысяча, — заявил таксист, остановив машину у низенького деревянного заборчика.

— Ско... скоко?! — потрясенно спросил Неволин. В голове шумел и перекачивался девятый вал, в желудке отчаянно пекло, но тем не менее Неволин еще не утратил ориентиров реального мира.

— Тысяча, — невозмутимо повторил таксист.

— Мы же на семьсот договаривались! — обиделся Неволин. Стоило ему хоть немного принять на грудь, как в нем вспыхивало повышенное чувство справедливости, а если учесть, что сегодня он выпил более чем достаточно, то праведный гнев просто обжег его!

— А в пробке сколько стояли? — вздохнув, напомнил таксист. — Я, между прочим, предупреждал, что беру не за километраж, а за время.

— А кто тебя просил через Сущевку ехать?! Ясное дело, там всегда пробки! — дрожащим от возмущения голосом произнес Неволин. — Ты дурак, да?

— Попрошу без оскорблений, — в голосе у таксиста

появился металлический холодок. — Будете расплачиваться, или как?

Ясное дело, он намеревался ободрать своего пассажира как липку, видя, что тот пьян. Константина Невolina буквально затрясло от подобного нахальства. Он помотал головой, пытаясь избавиться от шумевшего в голове приборя.

— Ты это... ты зачем по Осташковскому ехал? Я же просил по Дмитровскому!

— Вы меня еще учить будете! — ехидно усмехнулся таксист.

— Ну ты жлоб... — выдохнул Неволин, с трудом преодолевая желание набить зарвавшегося водиле морду. А так хотелось! Но ничего, он убьет его своим благородством... Неволин нашарил в кармане куртки кошелек, достал купюру и попытался сфокусировать взгляд. Кажется, оно... то есть она, искомая тысяча рублей. — На! На, подавись!

Водитель выхватил из его дрожащих пальцев купюру и презрительно хмыкнул.

— Развелось... развелось тут, понимаешь, всяких! — Неволин попытался подобрать определение, какими именно были эти «всякие», но слова странно ускользали от него. — Ишь...

Он с трудом нашарил ручку на дверце и вылез из салона. Схватился за низенький забор, поскольку шторм вокруг продолжал бушевать. Такси немедленно сорвалось с места и исчезло за поворотом.

«Правильно хоть он меня привез? — попытался сосредоточиться Неволин, шаря взглядом по облупленной розово-желтой стене. — Ага, дом два. Тихая аллея, дом два... Кажется, тут!»

Он наклонился вперед сильнее, чем надо, и законы физики немедленно напомнили о себе. Земное притяжение, центр тяжести и все такое прочее... Словом, Константин Неволин перевалился через забор и

упал лицом в кучу прелой прошлогодней листвы, из которой уже начали проклевываться первые зеленые ростки.

— О-па... — растерянно пробормотал он, смахнув со лба скользкий лист. — Ну и дела!

Лежа на земле, он едва не расплакался от нестерпимой обиды на забор, который так жестоко и нагло подшутил над ним.

Впереди была деревянная скамейка. Неволин с трудом подполз к ней, отдышался, потом попытался сесть. Остатки разума подсказывали ему, что являться в таком состоянии в гости просто неприлично.

Поэтому, взгромоздясь на скамейку, Константин Неволин дал себе задание сидеть на ней не меньше получаса и глубоко дышать. Он и дышал — до тех пор, пока не почувствовал, что его сейчас начнет тошнить. «Мама дорогая, да что это такое! — мысленно возопил он, покрываясь противным холодным потом, который обычно предшествует приступу дурноты. — Никогда, больше никогда — ни капли!..»

Дом перед ним был еще довоенной постройки, очень старый и неприглядный, скорее напоминающий барак. Одноэтажный, с покосившейся черной крышей и несколькими подъездами, отгороженными друг от друга все тем же низким заборчиком — то есть у каждого жилья был свой, отдельный вход. Некая пародия на таунхаусы, очень модные нынче — опять же, если учитывать, что дом находился в пригороде...

На окнах — решетки.

Из соседнего подъезда выползла грузная старуха в черном широком пальто, прозрачной капроновой козынке, прикрывавшей на голове огромный пучок серо-желтых волос, — кажется, такие пучки назывались «бабеттами» и были модны лет тридцать назад, точно так же, как и капроновые платки. Глаза у старухи были навывкате, и потому Неволину показалось, что она

недобро зыркнула на него. Моментально он распрямил спину и попытался сделать непринужденное лицо — дескать, сидит себе человек на лавочке, ну и что такого?..

На поводке у старухи была мелкая вертлявая собачка черной масти. Она увидела Неволина, просемила к забору и раздраженно-растерянно тявкнула. Потом понюхала воздух, убедилась, что человек этот посторонний и вовсе ей незнакомый, и тогда уж от души залилась визгливым, истеричным лаем.

— Молодой человек, вы к кому? — крикнула старуха властным голосом. — Киса, да тише ты...

«Киса? Ничего себе кличка у собаки...» — подумал Неволин и любезно сообщил:

— Я кх-х... я к-хра... я к Ахрамковым!

Старуха ничего не ответила, отвернулась и пошла на улицу, таща за собой истеричную Кису, которая все еще продолжала оглядываться на Неволина и заливаться пронзительным лаем, от которого у него даже во рту стало кисло, словно пришлось глотнуть уксуса.

Неволин сморщился, снова мужественно преодолевая приступ дурноты, и взглянул на часы — была половина девятого.

Оранжевое вечернее солнце почти сползло к горизонту, и оттого на просвет ветки у растущего сбоку кустарника казались черными, точно выкованными из железа. Они сплетались в сложные пентаграммы, разгадывать которые у Неволина не было сил...

Еще днем было тепло, почти жарко — плюс пятнадцать, что удивительно для начала апреля, но к ночи стало неизбежно холодать. Неволин поежился — одет он был довольно легко — и тут почувствовал, что его внутренний шторм постепенно начал стихать. Наверное, прохлада и свежий воздух все-таки подействовали...

Он попытался встать, и это ему удалось. Сделал

шаг вперед — и не упал. Почти уверенно добрел до двери, над которой висела табличка с номером квартиры, нажал на звонок.

«Кирилл, Нина, я очень извиняюсь, но у меня не было другого выхода! Конечно, надо было предупредить вас заранее, но мы поссорились с Лизой, и я...» — мысленно репетировал Костя, но стоило ему вспомнить о Лизе, как он снова почувствовал тяжелую, горькую обиду, от которой хотелось рыдать в голос.

Дверь распахнул не Кирилл и даже не его жена Нина, а какая-то совершенно незнакомая тетка в байковом фиолетовом халате до пола.

— Вы к кому? — буркнула она.

Тетка была немолодой и выглядела весьма непрезентабельно — толстая, рыжая (жидковатые волосы сколоты где-то сбоку и лежали на плече, словно ободраный лисий хвост), бледная, в стоптанных красных тапочках с вытянутыми мысами, которые снизу торчали из-под халата, словно клоунские башмаки. И еще косоглазая в придачу. Словом, как и должна была выглядеть типичная тетка из пригорода, которую внезапно оторвали от ежевечернего телевизионного ток-шоу. «Наверное, какая-нибудь родственница...» — подумал Неволин и произнес, стараясь дышать в сторону:

— Я к Кириллу. К Кириллу Ахрамкову. К Кириллу и Нине.

— Их нет, — сказала тетка и попыталась захлопнуть дверь.

— Как это — нет? — искренне удивился Неволин и сунул ботинок в щель, не давая ей захлопнуть дверь окончательно. — А где они?

— Я же говорю — уехали! — сердито повторила тетка. — Сегодня утром вещи погрузили и уехали.

— Вещи?.. — Неволин был в недоумении. И только потом его озарило — ну да, Кирилл упоминал, что дом, в котором они с Ниной купили квартиру, уже до-

строили, оставалось лишь сделать небольшой ремонт. Неужели сделали? Так быстро?..

— Ну, что еще?

— А... а вы кто? — растерянно спросил Неволин, пытаясь поймать ускользающий теткин взгляд.

— Я хозяйка... Это они у меня квартиру снимали.

— А-а... — пробормотал он и убрал ногу. Дверь медленно захлопнулась.

Неволин поплелся назад и снова уселся на скамейку. В свете открывшихся новых обстоятельств он пока еще не знал, что делать дальше. Кирилла с Ниной нет, это печально, но не смертельно... «Еще полчаса здесь посижу, оклемаюсь и поеду в Москву. К Лужиным. Или Юрке Рубину. Нет, у Лужиных младенец, к ним нельзя... К Юрке, точно, — подумал Неволин. — Да, к Юрке! Хотя нет, к Юрке теща приехала из Саратова... Нет, к Юрке тоже не получится».

Он стал ломать голову над тем, у кого можно переночевать, старательно избегая воспоминаний о самой причине, по которой не может вернуться в свой собственный дом.

Старуха с Кисой возвратились с прогулки. И старуха, и вертлявая Киса были явно недовольны присутствием чужака в их палисаднике — Киса снова облаяла Неволина, а старуха, перед тем как скрыться за дверью, обдала его неприязненно-надменным взглядом.

По всему выходило, что ехать Неволину не к кому. Он ведь и подался сюда, в Камыши, именно потому, что краешком сознания, еще остававшимся трезвым, сообразил — кроме Ахрамковых его никто приютить не сможет. Ахрамковы — милейшие люди, живут вдвоем, сын их — у бабки, Нинкиной матери, в другом городе. В их съемной квартире целых две комнаты — Кирилл не раз упоминал. Хозяйка живет в другом месте, у мужа. То есть будет где заночевать, никого не стес-

няя... Только кто мог знать, что этим утром они уже съедут отсюда!

Мимо пробежал, размахивая потрепанным портфелем и не глядя по сторонам, плотный мужик в клетчатом пиджаке, со светлыми игривыми кудрями вокруг изрядной плечи на макушке. Скрылся в следующем за старухиным, третьем, подъезде. И стало тихо.

Минут через десять после мужика появилась полная дама в блестящем серебристом плаще, с гривой роскошных темных волос и блестящей сумочкой на цепочке, перекинутой через плечо. Мельком посмотрела на Неволину и остановилась возле забора. Достала из сумочки сотовый, но номер набрать не успела — мимо, шурша шинами, проехал «Мерседес» с тонированными стеклами, на секунду притормозил, и из него выпорхнула юная блондинка в коротенькой курточке и брючках с заниженной линией талии, отчего поясница, а также плоский животик (в пупке блеснул камешек — пирсинг!) были выставлены на всеобщее обозрение.

«Мерседес», шурша шинами, немедленно скрылся.

Дама в блестящем плаще спрятала в сумочку сотовый и дала девице подзатыльник.

— Анжелка, дрянь такая! Я тебе сколько раз говорила — одевайся теплее! Сейчас не май месяц, почки себе застудишь...

— Ма, мы в боулинг целый день играли, я на улицу даже не выходила, только от двери до двери... — огрызнулась юная блондинка, скорее всего — дочь разгневанной дамы.

— От двери до двери... Дрянь какая! Я эту твою куртку выкину, дождешься!..

«Анжелка... Анжела, Анжелика? Анжелика, маркиза ангелов!» Неволин проводил их заинтересованным взглядом. Они скрылись в том же подъезде, куда перед тем вошел мужик в клетчатом пиджаке. Ага,

значит, тот, скорее всего, был отцом этого славного семейства.

Если бы Константин Неволин не напился, то никаких проблем не было бы — у него имелось собственное авто. Вполне приличная «немка», всего-то пяти лет от роду... Хотя что толку о ней сейчас вспоминать! Неволин вздохнул и достал из кармана кошелек. До Москвы можно было добраться на электричке, но, будучи реалистом, он чувствовал, что для него этот вариант совершенно непригоден. Если бы не те двести граммов коньяка, что он принял в каком-то кафе «на посошок»...

В кошельке ничего не было. Только несколько железных монеток. «Господи, были же деньги!» — похолодел Неволин, снова чувствуя, как возвращается приступ дурноты. Он обшарил все отделения кошелька, потом скрупулезно, раза три, исследовал содержимое карманов. Не было ни денег, ни телефона. Ни-че-го.

«Сначала я сидел в забегаловке на углу. Пил пиво. Две кружки по ноль пять. Потом заказал водки. Сколько? Не помню, водка была в графине... Потом познакомился с каким-то Гошей, и мы пили с ним на заднем дворе, за мебельным. Потом вроде бы подошли Гошины друзья, милейшие люди. Потом... ну да, я тогда окончательно понял, что домой вернуться не смогу, и пошел в то кафе. С Гошей или без? Господи, я ж отдал этому жлобу последнюю тышу! И где телефон, главное?..» — хлопал себя по карманам Неволин.

Мимо, напевая красивым баритоном, прошел мужик в спецовке.

— Привет! — приветливо крикнул он Неволину.

— Привет... — хмуро отозвался тот.

Мужик скрылся в последнем, четвертом, подъезде.

«Значит, так — ни денег, ни телефона. Один. Не пойми где, в каких-то Камышах. Брошенный...» Неволину вдруг стало так жалко себя, что он едва не завыл

на бледную луну, выплывшую из облаков. Лиза, как ты могла!..

Лиза.

Они познакомились два года назад, зимой, на катке в парке Горького. Она была в короткой шубке белого цвета, с поднятым пушистым воротником. На ногах, которым позавидовала бы любая топ-модель, — то ли брюки, то ли рейтузы, тоже белого цвета. Белые коньки. И на контрасте — черные короткие волосы, темные огромные глаза. Снег сверкал на ее воротнике, на гладкой челке, на ресницах, на губах сияла счастливая улыбка. Лиза смеялась...

Это сочетание черного и белого, это сияние, этот звонкий смех поразили Неволина. Плюс ко всему — темно-синее вечернее небо, хрустальный свет фонарей, музыка, которая как-то особенно нежно и отчетливо звучала в морозном воздухе...

На каток его вытащили Лужины (глава семейства — армейский друг Неволина), у которых тогда еще не было никакого младенца. Лужины были спортивной парой и обожали подобные развлечения. Коньки, лыжи, ролики, велосипеды... Он же, Неволин, вставал на лед в последний раз лет двадцать пять назад, во время дворового первенства по хоккею.

Увидев Лизу, Неволин очень пожалел, что так мало времени уделял спорту. Лиза каталась превосходно. Но тем не менее осмелился и неуклюже подкатил к ней — благо понял, что та была одна. Одна, почти ночью, свободная и веселая... О такой девушке можно было только мечтать. К Неволину она, как ни странно, отнеслась довольно благосклонно — и скоро уже вовсю смеялась его шуткам.

С катка они ушли вместе.

Лизе Ионовой тогда было двадцать пять лет (почти на десять лет младше Неволина), она жила с матерью и двумя младшими братьями и потому старалась

как можно меньше времени проводить дома. Работала менеджером в конторе, продающей биологические добавки.

Через неделю она уже переехала к Неволину.

Эти два года, что они прожили вместе, казались ему самыми приятными в жизни. Лиза была удивительной девушкой — легкой и веселой. Она обладала редким качеством — никогда ни в чем не сомневаться, и потому горечь сожаления по поводу того, что сделано или что не сделано, почти не терзала ее. На фоне рефлексирующей московской публики Лиза смотрелась очень выгодно.

Кроме того, другой ее особенностью было то, что она была очень рассудительной девушкой. Покупала одну хорошую вещь вместо десяти дешевых; если нехватка времени вынуждала ее перекусывать на ходу, то походу в «Макдоналдс» предпочитала обычную булочку с кефиром (оно здоровей и полезней!) и даже более того — если денег хватало только на трехзвездочный отель, отпуск проводила дома.

То ли у нее действительно не было никаких недостатков, то ли Костя Неволин так сильно любил ее?..

Впрочем, была у нее одна слабость: Лизу завораживали редкие вещи — ручной работы или те, что были в единственном экземпляре. Эксклюзив, одним словом. Поэтому выбрать подарок ей было нелегко — приходилось облазить все блошинные рынки и художественные галереи, прежде чем найти что-нибудь действительно стоящее. Например, домотканую сумочку с ручной вышивкой, сделанную карпатской крестьянкой лет тридцать назад. Или страшную маску из Габона, призванную отгонять злых духов, — из какого-нибудь особо редкого, ценного дерева, коих на Земле осталось всего два-три... Или статуэтку из бивня мамонта, продаваемую из-под полы (потому что продавец с бегающими глазами торопливо уверял, что

именно за этой статуэткой гонится толпа коллекционеров, а знатоки из музея Востока просто ее с руками готовы оторвать!).

У Лужиных на крестинах младенца они познакомились с Робертом Куракиным. Поначалу Неволин никакой угрозы от Куракина не ощутил — он оказался застенчивым молодым мужчиной с длинными волосами, собранными на затылке в хвост. Джинсы, свитер, кроссовки — все дешевое, рыночное, китайское, что изначально должно было оттолкнуть Лизу... Типичный программист!

И только потом выяснилось, что Куракин никаким программистом не был, а являлся самым настоящим поэтом, стихи которого печатались в толстых журналах — это раз, и, кроме того, носил титул князя — это два. В жилах хвостатого Куракина текла дворянская кровь, и при таком раскладе уже не имело значения, что на нем надето и какую прическу он носит. Князь-поэт!

Даже потом, когда Неволин узнал про Куракина эти подробности, он тоже не особо обеспокоился. Князь — и одновременно поэт... Анекдот какой-то, реклама для богемных вечеринок!

Но обеспокоиться следовало! Следовало всегда помнить о склонности Лизы ко всему особенному, эксклюзиву. А что, если дело касалось не только вещей, но и людей? Ведь тут и князь, и поэт... Редкий экземпляр!

Сегодня у Неволина никаких срочных дел не было, и потому он свалил с работы сразу после обеда, намереваясь сделать Лизе сюрприз — она сидела дома с легкой простудой.

И, уже подъезжая, он неожиданно увидел Лизу в обществе Куракина. Они шли по улице и мило беседовали... Неволин сбросил скорость и медленно поехал за ними. Он не относил себя к ревнивцам, которые